

Рис. 4. Находки из курганов у дер. Уразмаметово:

1 — медное шло с деревянной рукояткой из погребения 2 кургана 2, 2 — фрагмент костяной флейты из погребения 2 кургана 2, 3 — фрагмент сосуда из погребения 1 кургана 2, 4, 5 — фрагменты сосудов из погребения 2 кургана 2

изделие. Это весьма редкая находка; причем инструменты, близкие описанному, — флейты (правда, состоявшие из ряда трубок) — были до сего времени зафиксированы в очень ранних погребениях, относящихся еще к древнеямной культуре (находки И. В. Сеницына и др.).

Керамика достаточно характерна. Это прежде всего богато орнаментированные остророберные сосуды стройных пропорций с четко выраженным ребром. Такие формы в срубной культуре сохраняются на протяжении длительного периода. Однако ряд черт наших сосудов позволяет относить их к ранней фазе этого периода. Например, приземистые остророберные сосуды с явно горизонтальными пропорциями из первого и второго погребений кургана 2 (рис. 4, 3—5) по своей форме близки некоторым сосудам конца полтавкинской стадии. У сосуда из погребения 1 богатый геометрический орнамент, выполненный среднезубчатым штампом, покрывает верхнюю часть тулова, что обычно для развитой срубной культуры; у сосуда же из основного погребения 2 зоны заштрихованных треугольников спускаются ниже ребра и покрывают большую часть тулова, что является реминисценцией раннесрубной схемы орнаментации. К ранним формам следует относить и баночные сосуды, прежде всего сосуд из второго погребения кургана 3, большая часть тулова которого покрыта свободным крупнозубчатым орнаментом (рис. 5, 1, 2). Наконец, в центральной яме кургана 3 найден фрагмент сосуда, дно которого было покрыто орнаментом, нанесенным чеканом, и другие фрагменты и целый сосуд (рис. 5, 3—6). Это, безусловно, ранний признак: орнаментированные днища, обычные для раннесрубной керамики, крайне редко встречаются в развитой срубной культуре и полностью отсутствуют в последующий период.

Весь небольшой керамический материал наших раскопок представляет весьма цельную и однохарактерную группу; ничто не противоречит предположению о весьма ранней дате этой группы. Сосуды весьма близки керамике из наиболее ранних погребений Ягодного (курган 1) и Хрящевки (курган 1,6), из курганов у с. Пиксяси, Малоокуловского могильника и др. Они во всяком случае не могут быть моложе керамики известных покровских погребений; значительно более вероятно, они старше ее. Об этом свидетельствуют указанные выше полтавкинские реминисценции.

Таким образом, исследование курганов у дер. Уразмаметово показало, что и эта часть Среднего Поволжья была охвачена весьма ранней экспансией племен срубной культуры. По-видимому, в правобережье процесс этот протекал столь же активно, как и в левобережье. Во всяком случае ранние памятники племен срубной культуры одновременно появляются на единой широте: к югу от Камы и в южной Чувашии. И в обоих случаях препятствием для дальнейшего широкого распространения их к северу оказываются большие массивы лесостепных и лесных племен, заметно отличных от срубных по своему происхождению и культуре. Это племена приказанской культуры к северу от Камы и абашевской культуры в северной Чувашии. В обоих случаях эти племенные группы вступают со срубными племенами в определенные взаимоотношения, сыгравшие значительную роль в дальнейшей этнической и культурной истории Среднего Поволжья. Поэтому представляется целесообразным не ограничиваться здесь констатацией «весьма раннего» начала этого взаимодействия, а остановиться на датировке его несколько подробнее и конкретнее.

В общем очерке истории бронзового века в Среднем Поволжье я пытался разделить погребальные памятники срубной культуры этой территории на ряд последовательных хронологических этапов¹³. Были выделены пять этапов, охватывающих значительный хронологический отрезок от рубежа III и II до начала I тысячелетия до н. э.; раннесрубный (полтавкинский) этап¹⁴, этап круглых курганов с одиночными захоронениями¹⁵, этап круглых курганов-кладбищ с множественными захоронениями¹⁶, этап длинных курганов-кладбищ с множественными захоронениями¹⁷ и наиболее поздний этап резко уплощенных длинных насыпей, сочетающихся с бескурганными кладбищами¹⁸. Дальнейшие исследования пока не дали оснований для коренного пересмотра этой схемы в аспекте относительной хронологии; памятники у дер. Уразмаметово по всему комплексу своих признаков могут быть с должной четкостью отнесены ко второму этапу схемы (или к самому

¹³ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории...

¹⁴ Там же, стр. 73.

¹⁵ Там же, стр. 81.

¹⁶ Там же, стр. 101.

¹⁷ Там же, стр. 140.

¹⁸ Там же, стр. 151.

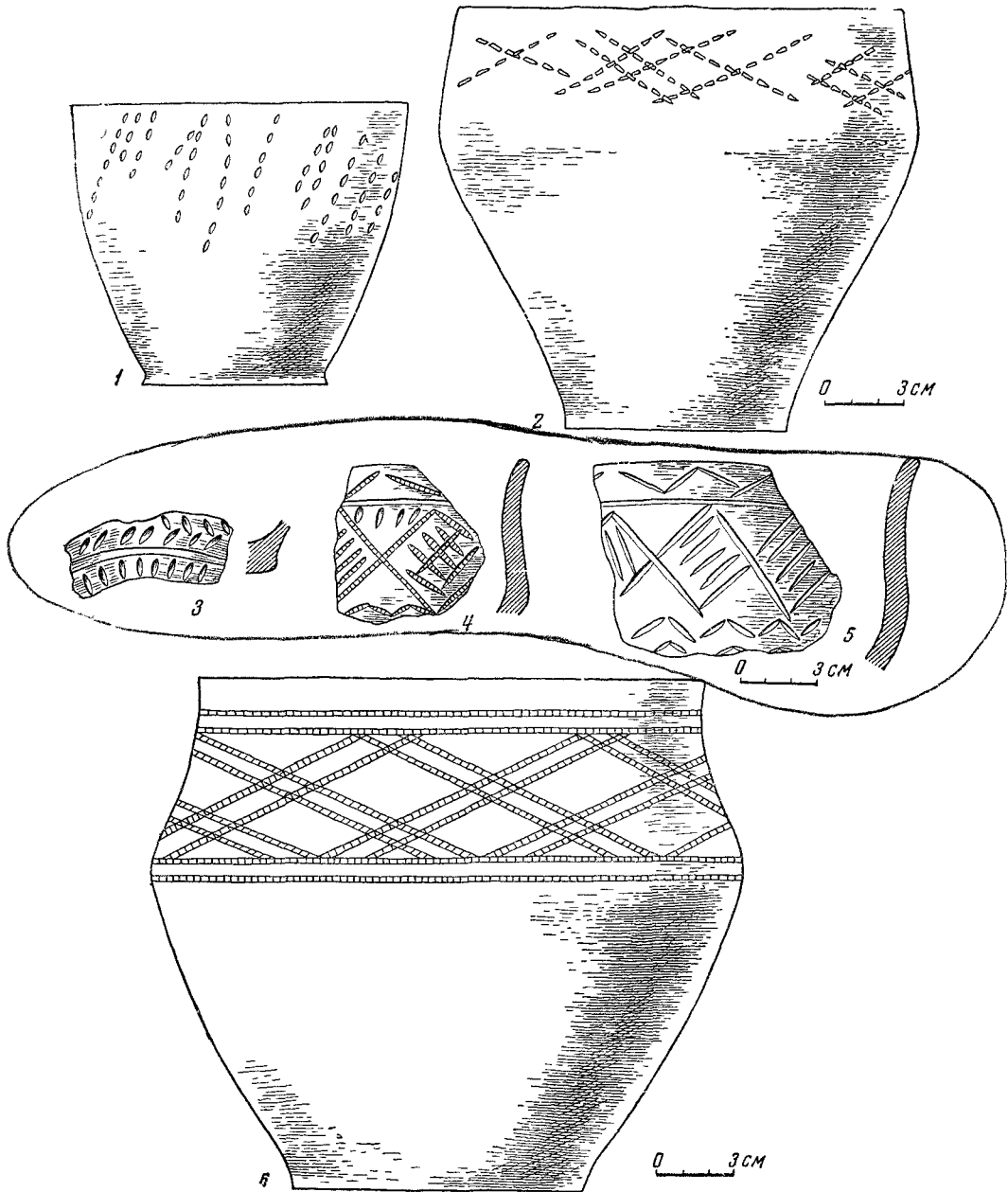

Рис. 5. Сосуды из погребения:

1, 2 — сосуды из погребения 2 кургана 3, 3—5 — фрагменты сосудов из центральной ямы кургана 3; 6 — сосуд из погребения 2 кургана 3

началу третьего этапа). Упомянутая выше покровская группа срубных погребений Нижнего Поволжья по особенностям обряда, керамике и металлическим вещам (ножи) ближе всего стоит к третьему этапу нашей схемы, что еще раз дает возможность отнести уразмаметовские курганы к несколько более раннему времени.

Однако, если определение места наших памятников в схеме развития срубной культуры не представляло больших трудностей, то значительно сложнее обстоит дело с их абсолютной датировкой, а следовательно и с хронологией всей ранней экспансии племен срубной культуры в северных районах Среднего Поволжья.

Вообще датировка срубной культуры разработана пока лишь в самых общих чертах. В указанной выше работе я ограничился лишь приведением старой синхронистической таблицы А. М. Тальгрена и некоторыми поправками и добавлениями к ней¹⁹, сведшими в основном к расширению хронологических рамок срубной культуры. Между тем с накоплением новых материалов и уточнением схем абсолютной хронологии в Средиземноморье и на Ближнем Востоке создаются все более реальные возможности для более точной датировки конкретных этапов развития срубной культуры. К сожалению, это касается далеко не всех этапов: лишь некоторые из них обладают достаточно четкими (в аспекте абсолютной датировки) комплексами. Но и уточнение датировки отдельных этапов при определенной ясности расположения их в схеме относительной хронологии может достаточно много дать для конкретизации абсолютных дат срубной культуры.

И прежде всего здесь следует остановиться на датировке исследованных П. С. Рыковым покровских курганов, относящихся, как уже указывалось выше, к третьему этапу нашей схемы. Покровские курганы дали наиболее яркие и выразительные в хронологическом отношении комплексы, являющиеся своего рода «ключом» для датировки классической срубной культуры. Кроме того, в силу близости покровских курганов уразмаметовским в схеме относительной хронологии, они наиболее важны и для поставленного нами част-

ного вопроса о времени северной экспансии срубных племен.

Обычно наиболее характерными предметами Покровского комплекса считаются бронзовые копы с расширяющимся книзу пером, круглым или ромбическим стержнем, ушком и муфтой на конце втулки. Эти копы справедливо сравнивают с копиями Бессарабского клада, Сейминского, Турбинского и других могильников. Таким образом, выделяется единая фаза в развитии этого вида оружия.

Однако, чтобы доказать хронологическую однозначность копий этого типа, следует обратить внимание на некоторые дополнительные обстоятельства. Наиболее важны здесь закономерные повторяющиеся на различных территориях находки копий нашего типа в сочетании с одними и теми же типами других категорий находок. Так, неоднократно они найдены в одних комплексах с бронзовыми листовидными ножами классического срубного типа (с выемками при переходе к черенку рукоятки). Имеется несколько случаев таких совместных находок: 1. В самих покровских курганах²⁰; 2. В урочище Панщина близ Трубчевска²¹; 3. В Турбинском могильнике²²; 4. В андроновском погребении группы «Близнецы» у с. Кумак Оренбургской области²³; 5. В погребении, открытом на правом берегу Урала, напротив Орска; 6. В Сейминском могильнике²⁴. Говоря о последнем случае, необходимо уточнить, что один из ножей этого могильника снабжен бронзовой рукоятью, надевающейся на черенок; абсолютно такая же рукоять надета на черенок классического срубного ножа из Панщины. В этой связи следует заметить, что листовидные ножи с выемками при переходе к рукояти

²⁰ P. R y k o v. Die Chvalinsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, I, Helsinki, 1927. M. G i m b u t a s. «Borodino, Seima and their Contemporaries. Proceeding of the Prehistoric Society, 1956, vol. XXII; О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, рис. 12, 9, 10; 14, 8, 9.

²¹ Раскопки В. А. Пащина.

²² Раскопки О. Н. Бадера в 1960 г.; см. О. Н. Б а д е р. Доклад на секции бронзового века Пленума ИА АН СССР 19 апреля 1961 г.

²³ Э. А. Ф е д о р о в а - Д а в ы д о в а. Андроновское погребение XV—XIII в. до н. э. Труды ГИМ, вып. 37, 1960, стр. 56 сл.

²⁴ В. А. Г о р о д ц о в. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1916; M. G i m b u t a s. Op. cit., p. 152, fig. 8; А. А. Ф о р м о з о в. Археологические памятники в районе Орска. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 120, рис. 32.

¹⁹ Н. Я. М е р п е р т. Из древнейшей истории..., стр. 152 сл.; См. А. М. Т а л л г р е н. La Pontide pre-scythique après l'introduction des métaux. ESA, II, Helsinki, 1926; i d e m. Studies of the Pontic Bronze Age. ESA, XI, Helsinki, 1937.

весьма архаичны и во всех известных случаях относятся лишь ко второму и третьему этапам нашей схемы. Кроме упомянутых покровских, можно указать ножи из погребения 8 кургана 5 у с. Ягодного²⁵, из центрального кенотафа кургана 11 у с. Кайбелы, из клада на Царевском кургане²⁶, из Скорняковских курганов близ Воронежа²⁷, наконец, из ранних андроновских погребений²⁸.

Позднее эти ножи заменяются ножами с уже хорошо выраженным перекрестием. Формирование последнего типа начинается, впрочем, тоже очень рано. Как отмечает О. А. Кривцова-Гракова, наиболее ранние формы таких ножей сосуществуют с листовидными, характерными для раннего бронзового века степной полосы²⁹ (пример — совместная находка ножей обоих типов на поселении Надеждино-Куракино, относящемся ко второму или третьему этапу нашей схемы). Завершается же процесс развития этого типа формированием на последующих этапах ножей с резко выраженным перекрестием, узким черенком, и иногда упором для рукояти. Поздние формы лучше всего представлены в западных районах распространения срубной культуры³⁰.

Все это еще раз доказывает крайнюю архаичность (в пределах срубной культуры) ножей, входивших в одни комплексы с копьями, подобными покровским. Вместе с тем неоднократные совместные находки одних и тех же типов двух категорий вещей позволяют уже с должным вероятием говорить о хронологической одновременности этих находок. Предположение перейдет в уверенность, если к двум указанным категориям прибавить третью — кремневые наконечники стрел. Последние представлены в комплексах с копьями и ножами также определенным типом: плоским наконечником с опущенными крыльями и коротким треугольным черенком. Такие

наконечники имеются в Покровском³¹ и Сейминском могильниках³², в Скорняковских курганах³³ и т. д.

Все это позволяет говорить о достаточно прочном сочетании определенных типов, о стойком комплексе, отнесение которых к единому периоду абсолютно закономерно.

Столь же закономерна синхронизация указанных находок со знаменитым Бородинским кладом, выявившаяся особенно четко после открытия О. Н. Бадером новой замечательной серии бронзовых и серебряных наконечников копий в Турбинском могильнике³⁴.

Сложный вопрос абсолютной датировки самого Бородинского клада приобретает ныне все более четкое решение. Правильные ориентиры в этом вопросе дал еще А. А. Спицын, обративший внимание на сходство орнамента на навершии булавки из Бородинского клада с орнаментацией золотых блях (пуговиц?) из IV и V шахтных гробниц Микен³⁵. А. М. Тальгрэн отошел от правильного пути и свою достаточно «растяжимую» датировку клада (1300—1100 гг. до н. э.) обосновывал совершенно незаконным и ошибочным сравнением бородинских топоров с кобанскими³⁶. О. А. Кривцова-Гракова, снова обратившись к микенским аналогиям, подошла к этому вопросу крайне осторожно. Она считала возможным рассматривать орнамент на бородинской булавке как пережиточный, предложив общую дату клада, примерно на два века моложе указанных шахтных гробниц Микен³⁷. Наиболее развернутый анализ этой проблемы произведен М. Гимбутас, которая рассмотрела ее на гораздо более широком фоне и добавила к микенским аналогиям еще ряд закономерных направлений синхронизации³⁸. Впрочем, ключевые позиции микенских аналогий при этом полностью сохранились. Однако и автор этой весьма ценной работы допускает некоторое запаздывание

²⁵ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, стр. 61, рис. 10.

²⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 12, 6.

²⁷ М. Гимбутас. *Op. cit.*, fig. 22.

²⁸ О. Кривцова-Гракова. Une travaille d'objets de l'âge du bronze dans le region du haut Tobol. ESA, IV, Helsinki, 1929, p. 119, fig. 3; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 165, рис. 74.

²⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье, стр. 54.

³⁰ Там же, рис. 30, 2; рис. 34, 1—4, 6—8 и др.

³¹ Р. Рукон. *Op. cit.*; М. Гимбутас. *Op. cit.*, fig. 21.

³² В. А. Гордцов. Указ. соч., М. Гимбутас. *Op. cit.*, fig., 9.

³³ А. М. Тальгрэн. *Op. cit.*; М. Гимбутас. *Op. cit.*, fig. 22.

³⁴ О. Н. Бадер. Доклад на секции бронзового века Пленума ИА АН СССР 10 апреля 1961 г.

³⁵ А. А. Спицын. Бородинский клад. «Сборник статей в честь графини Уваровой». М., 1916.

³⁶ А. М. Тальгрэн. *Op. cit.*, p. 140.

³⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М., 1949.

³⁸ М. Гимбутас. *Op. cit.*

(примерно на столетие) бородинских находок по сравнению с микенскими и датирует их 1450—1350 гг. до н. э.³⁹

В этой связи я хочу остановиться на вопросе о правомерности синхронизации Бородинского клада с находками в шахтных гробницах Микен. Прежде всего здесь имеется не один, а ряд общих признаков. Обычно подчеркивается общность сложного волютного орнамента на ромбовидном навершии бородинской булавы и на ромбических золотых бляхах («пуговицах») из IV и V шахтных гробниц Микен. Действительно сходство это безусловно⁴⁰, причем речь идет здесь не о простых геометрических узорах, самостоятельно возникших в разное время и на разных территориях, а о достаточно сложном и характерном сочетании узоров, представленном в Микенах, на целой серии украшений и имевшем, несомненно, узкие и четкие хронологические рамки. Но этим орнаментом сходство не ограничивается. Весьма распространенный в Микенах (на украшениях, оружии, на стенах гробниц и т. д.) спиральный орнамент представлен в Бородинском клада на втулке сломанного копья. Очень характерна золотая пластинка, покрывающая среднюю часть полосы бородинского кинжала, — обычный прием украшения драгоценных микенских кинжалов. Эсо-видный орнамент, покрывающий эту пластинку бородинского кинжала, хорошо известен на тех же «пуговицах» и других украшениях из шахтных гробниц IV и V.

М. Гимбутас, подчеркивая сходство орнаментальных мотивов, считает, однако, что самые формы бородинских вещей не имеют близких аналогий в Микенах⁴¹. Она ссылается, в частности, на своеобразные копья с очень длинной втулкой и узким пером из шахтных гробниц Микен. Действительно, эти копья заметно отличны от бородинских. Но помимо этих эффектных, возможно декоративных, наконечников, в микенских гробницах найдены и иные, представляющие обычное рядовое оружие: например, два бронзовых наконечника, экспонированных в первом зале Афинского Национального музея (ΤΑΦΩΝΘΑΛΑΜΟΕΙΔΩΝ). Эти наконечники (длиной около 21 см) с обыч-

ной втулкой, заканчивающейся небольшой муфтой, и ромбическим стержнем уже весьма близки перечисленным выше копьям «бородинско-покровско-сейминского этапа». И даже своеобразное узкое перо не может здесь являться решающим отличием: такие формы известны теперь среди новых находок в Турбинском могильнике⁴².

Таким образом, формы копий не разделяют, а наоборот, сближают объекты сравнения. Средиземноморский характер формы бородинского кинжала несомненен.

Столь «комплексное» сходство по ряду признаков орнаментации и форм вещей позволяет усомниться в существовании двухвекового (О. А. Кривцова-Гракова) и даже векового (М. Гимбутас) хронологического разрыва между IV и V шахтными гробницами Микен, с одной стороны, и Бородинским кладом, «Покровским этапом» срубной культуры, Сеймой, Турбиным, — с другой. Необходимо подчеркнуть, что активные и разнохарактерные связи Северного Причерноморья с Балканами в бронзовом веке выявляются ныне все более четко⁴³. Они-то и определили упомянутые выше особенности ряда бородинских находок. И при их наличии сколько-нибудь заметное хронологическое «запаздывание» становится уже исторически незакономерным. Если и был хронологический разрыв, то измерялся он десятилетиями, но никак не веками.

Дата самих микенских шахтных гробниц уточнена после работ А. Вэйса, анализа микенских керамических комплексов и особенно открытия Г. милоносом второго «круга» гробниц Микенского некрополя⁴⁴. Гробницы IV

⁴² О. Н. Бадер. Доклад ...

⁴³ Укажу на безусловное продвижение степных (позднеямных или раннесрубных) племен на территорию Румынии и Болгарии (Влад. Зирра. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР. Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 97 сл. В. Миков. Последние могилы находки «Мадара», кн. 1. София, 1934, стр. 429 сл.) и явное сходство металлургического комплекса культур бронзового века Сарата-Монтеору с культурами бронзового века Северного Причерноморья и Поволжья (Е. Захария. Die Lockenringe von Sarata Monteoru und ihre typologischen und chronologischen Beziehungen. Dacia, nov. ser. III. Bucurest, 1959, S. 103—134), а также на столь замечательный и пока таинственный факт, как наличие степной (скорее всего позднесрубной) керамики в слое VII «В» в Трое (Трой; vol. IV, part 1, Princeton, 1958, p. 144—146; part 2, tbl. 284, 1—24, tbl. 285, 1—8).

⁴⁴ А. J. Wace. Chamber Tombs at Mycenae. Archaeologia T. LXXXII. London, 1932; A. Furumark. The Chronology of Micenaen Pottery. London,

³⁹ M. Gimbutas. Op. cit., p. 114, 169.

⁴⁰ Ibid., pl. XIII.

⁴¹ Ibid. Именно отсутствие аналогий в формах вещей явилось одним из доводов в пользу пережиточного характера орнамента бородинской булавы и векового хронологического разрыва между микенскими гробницами и бородинским кладом.

и V входят в «круг А» этого некрополя, который Г. Милонос относит к 1600—1500 гг. до н. э. Таким образом, даже при допуске некоторого запаздывания (безусловно, неизвестно, если оно и было вообще) Бородинский клад и синхронные ему комплексы должны быть отнесены к XV в. до н. э., причем не исключена возможность, что в результате дальнейшей разработки этого вопроса некоторые из них будут признаны еще более древними.

Такая дата подтверждается и другими системами аналогий. Я не буду останавливаться на этом вопросе подробно и ограничусь только их перечислением.

М. Гимбутас намечает линию кавказских аналогий бородинским вещам (топорам, булавам и т. д.)⁴⁵; кавказские же комплексы, включающие эти аналогии (Рутха, Фаскау и др.), хронологически увязываются с комплексом Позднего Талыша 2. Последний же, в свою очередь, датируется сероглиняными митаннийскими печатями, известными как в Сирии (Поздний Угарит 2)⁴⁶, так и в Греции⁴⁷. На всей этой территории сероглиняные митаннийские печати убедительно датируются периодом не позднее XV в. до н. э.

Эта же дата подкрепляется и восточно-сибирской и китайской линиями аналогий ряда категорий, входящих в интересующие нас синхронные комплексы (копья, ножи с фигурками животных, кельты сейминско-турбинского

типа и т. д.)⁴⁸. Особенно интересны наконечники копий, найденные в Аньяне, Чжэнчжоу, Сиани⁴⁹ и других местах. Они безусловно, аналогичны нашим, исторически связаны с ними и подтверждают их дату. Так, втульчатые копья появляются к югу от Великой стены с самого начала второго периода Шань-Инь⁵⁰, т. е. с самого начала XIV в. до н. э., причем под явным влиянием северных (сибирских и более западных) культур, где, следовательно, наличие таких копий в XV в. безусловно.

Таким образом, как бы «фокусируя» хронологические данные, полученные по ряду направлений связей с абсолютно датированными областями, мы получим одну дату — XV в. до н. э. Такова дата покровских срубных погребений, т. е. третьего этапа нашей схемы (Ягодное, курган 5; Хрящевка, курганы 6 и 8; Кайбелы, курганы 11, 22, 23, 24 и пр.)⁵¹ Уразмаметовские курганы, как уже отмечалось, несколько архаичнее: как и курганы 1 и 2 у Ягодного и другие, они могут быть датированы XVI — началом XV в. до н. э. Этим временем, видимо, и следует датировать северное движение срубных племен в правобережье Волги, приведшее их к соприкосновению с появившимися в то же время в северной Чувашии и Марийской АССР племенами абашевской культуры.

⁴⁵ М. Гимбутас. *Op. cit.*, p. 151.

⁴⁶ В. Карлгрен. Some weapons and tools of the Yin Dynasty. «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», vol. XVII, Stockholm, 1945, p. 101—144. М. Гимбутас *Op. cit.*, p. 158, fig. 14; С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, № 4, рис. 5 и 8.

⁴⁷ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 259.

⁴⁸ Удревняя эти комплексы на 200 лет по сравнению с прежней датой (Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории..., стр. 101), я считаю, что весь соответствующий этап мог охватывать и XIV столетие. В этой связи в дальнейшем придется пересмотреть даты и следующих этапов и конкретных памятников, в частности, клада из Сосновой Мазы, который по аналогиям кинжалам (Талыш) и кельтам (Троя VII) не может быть датирован позднее XII в. до н. э.

1941; George E. Milonias. Ancient Mycenae, the capital City of Agamemnon. Princeton, 1957, p. 181.

⁴⁵ М. Гимбутас. *Op. cit.*, p. 148.

⁴⁶ Здесь эти печати найдены в одном слое со скарабеями Аменофисов III и IV и большим числом египетских, ханаанских, вавилонских, хурритских и других надписей. — См. С. Ф. А. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III et II millénaires), 1948, p. 10.

⁴⁷ В Греции они относятся к позднеэллинистическому III периоду (см. С. W. Blegen. Prosymna. The Helladic settlement preceding the Argive Heraeum, I, II, 1937); в самих Микенах датируются не позднее 1400 г. до н. э. — (А. J. Wase. *Op. cit.*; М. Гимбутас. *Op. cit.*, p. 150.)